

18+

Окрошка

Татьяна Сарана

СО ВКУСОМ

счастья

Татьяна Сарана

Окрошка со вкусом счастья

«Издательские решения»

Сарана Т.

Окрошка со вкусом счастья / Т. Сарана — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566091-6

Никто не верит в то, что детство исчезло навсегда. В глубине души мы верим, что детство наше существует, но где-то далеко, в особой галактике. Бесконечные дни там состоят из привычной радости и горьких обид. Мир там огромен и полон невыразимых обещаний. Там до сих пор живы бабушка и дедушка. В их доме даже ароматная летняя окрошка имеет явный привкус счастья... Этот небольшой сборник состоит из рассказов о галактике моего детства.

ISBN 978-5-00-566091-6

© Сарана Т.
© Издательские решения

Содержание

Напутствие читателям	6
Ангел-хранитель	7
Молоко	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Окрошка со вкусом счастья

Татьяна Сарана

Наталья Павлушина *Иллюстратор*

© Татьяна Сарана, 2024

© Наталья Павлушина, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0056-6091-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Напутствие читателям (от друга и однокурсника автора)

Лет . . .надцать назад Таня прислала мне один свой рассказ. Прочтя первые предложения, булькнул туда полностью. «А еще?» – забил копытом я. Она периодически стала отправлять мне свои невероятные ныряния в нежность и тонкость детской созерцательности мира. Каждый новый ее опус я ждал с такой же жаждой, с которой бредущий по пустыне надеется на волшебное превращение миража воды в ее реальное журчание.

Это сравнение не случайно: пишет Таня со скоростью ленивца – по рассказу в год. И такая периодичность оправдана, ибо из погремущек своих воспоминаний она скрупулезно сплетает лингвистическую икебану. Характеристика этого искусства в аккурат ложится на филигранное мастерство пера этого автора: «В основу икебаны положен принцип изысканной простоты, достигаемый выявлением естественной красоты материала».

Поэтому позволительно сказать, что перед нами владычица нового жанра литературы. Таня заполнила пустую нишу, в которой тёплый туман детства так накрывает читателя с головой, что после чтения еще долго не хочется возвращаться в бурлящую действительность. . . .

Словом, вы держите в руках поистине бриллиантовую россыпь чувств, ощущений и впечатлений, которые абсолютно все из нас испытывали в первые сознательные годы жизни.

Испытывали все.

А перенести на бумагу смогла только Татьяна Сарана.

Приятного вам погружения!

Михаил Шабашов

Ангел-хранитель (От автора)

...С тех пор, как мы виделись в последний раз, он сильно изменился. Прежде он отражал свет. Блестели длинные волосы, торс, упругие крылья. Что-то тогда ещё поблёскивало на пальце, когда он быстро подносил сигарету ко рту.

– Вы больше не курите?

– Бросил. Лет пять назад, после того, как ты... Ну, ты помнишь.

– Да. Помню.

Теперь он коротко стрижен, торс стал матовым. С крыльев сошёл глянец, но они блестят. Тускло, сдержанно. Как будто серебро подёрнулось патиной. Он стал немногословен. Вопросы его короткие и точны. Слушает внимательно и долго.

Мне есть, что рассказать. За эти годы родились и выросли мои дети. Не успела состариться и умерла моя мать. Умерли её братья, жены братьев. Умерла её сестра, моя единственная любимая тётя... Ветер, гуляющий в пустоте за спиной, до меня ещё не добрался. Я его даже ни разу не слышала. Но я уже знаю, что он есть.

– Что ещё?

Ещё... Смирилась со своим призванием. Учусь его понимать. Легче обижаю и труднее прощаю. Боюсь бедности и одиночества.

Он морщится. Да, он прав. Это всё не то.

– Про главное скажи.

А про главное я уже сказала. Родились и выросли мои дети.

Эта книжка – для них.

Молоко

Утром выхожу во двор неторопливо, важно. Нельзя торопиться, если на тебе новая куртка, простёганная ромбиками, из-под неё выглядывает новая же юбка в складку, а в новых красных ботинках уважительно отражается восходящее солнце. Любому пятилетнему чело-

веку известно, что в такой одежде нельзя бегать по двору. В такой одежде полагается сесть на перила крыльца, расправить юбку и ждать. Бабушка подоит коров, разольёт молоко по двум большим бидонам, и мы с дедом повезём его в город, на продажу.

Весна уверенно распоряжается во дворе. Дорожка, ведущая к коровнику, почти подсохла. На пригорке распушилась мать-и-мачеха, заодно выбралась погреться на солнце всякая травянистая мелочь. Суетливые куры молотят клювами землю, размякшую от солнечной щеколки.

Усидеть на крыльце никак не получается: в тени забора я замечаю затаившиеся, грязные остатки сугробов. Каблуками новых ботинок безжалостно разбиваю снег в серую кашу. Утреннее солнце её охотно подьедает. Окончательно прогнав зиму из нашего двора, счищаю грязь с подошв об острый скребок, прибитый дедом к нижней ступеньке крыльца. Вот теперь можно разложить отглаженные складки юбки по широким перилам.

Слышно, как за дощатыми дверьми молоко шумно льётся сквозь марлю, натянутую на широкие горла бидонов. Шуршит тихий бабушкин смех, гудит весёлый дедов баритон. Устав от нетерпения, я приоткрываю дверь. Бабушка звонко шлёпает деда по руке, оторвав от своего подола его широкую ладонь.

– Дурак старый!.. Иди, дитё ждёт.

Дед забрасывает на плечо два связанных бидона. В каждый из них я могу заглянуть, только встав на цыпочки.

До автобусной остановки идти долго. Недавно вспаханное поле отделяет нашу окраину от центральной площади посёлка. Над полем прозрачно переливается тёплое утреннее марево, страстной звонкой дрожью заходится жаворонок. Его не видно в яркой слепящей вышине, поэтому кажется, что звенит солнечный свет.

На узкой полоске между полем и посёлком бабка Настя Кузнецова пасёт долговязую корову. Тяжёлая, маслянистая от грязи верёвка двойной петлёй навёрчена на рога. Корова зыркает исподлобья на костлявую Настю, зло щиплет редкие блёклые травинки. Настя экономит сено, чтобы продать его соседям. Они по своей бездумной жалости почти все запасы уже скормили. Коровы у них балованные, выискивать пропитание на зябкой земле не приучены. Настину корову дед уважает за живучесть и зовёт её «северным оленем».

Страшная жадность Насти Кузнецовой фантастична и легендарна. Заплаты на её платьях хороводом цепляются друг за друга, боясь разлететься в стремительной трусце, которой Настя передвигается по посёлку. С огорода она тащит на рынок всё, что успевает пробиться на свет сквозь комковатую землю, ни разу не пригретую мягкой навозной теплотой. Драгоценные лепёшки, выпадающие из-под коровьего хвоста, Настя тоже продаёт, заламывая цену в зависимости от конфигурации и густоты товара. Молоко от собственной коровы для неё слишком дорого: Настя пьёт только воду и безуспешно пытается отбить у деда клиентов. Но жидкий синеватый продукт от «северного оленя» не пользуется спросом у городских хозяек. Они избалованы дедовым душистым лакомством, в белоснежной глубине которого сочно теплится летнее солнце. Мой приятель Витька Самойлов утверждает, что под самодельными обоями из старых газет стены Настиного дома оклеены сотенными бумажками.

Настя стреляет в наши бидоны завистливым взглядом, и дед останавливается передохнуть. Как об известном деле, заводит разговор о денежной реформе. Вроде как по радио опять говорили. Ему-то, деду, беспокоиться не о чем. Всех запасов триста рублей, да и те в городе, «на книжке». Говорят, которые «на книжке», поменяют на новые деньги без потерь. А которые дома, те, конечно, надо бегом в сберкассу... Ну, да нас это не касается.

Толстая верёвка дрожит в сухой настиной руке. Дед невозмутимо прощается, снова закидывает бидоны на плечо. Мы сворачиваем на поле. Я иду вслед за дедом, его хромовые сапоги протаптывают мне плотную дорожку в мягкой земле. По широкой спине я вижу, что он улыбается.

...Прошлой осенью дед «пошёл под старость». Достал из «гардероба» пиджак, зазвеневший вразнобой, как спросонья, жёлтыми военными медалями. Намазал сапоги гуталином, вкусно похожим на повидло. Сложил в карман документы и ушёл по шпалам узкоколейки, ведущей в город.

Мы с бабушкой стояли на лугу за домом, смотрели деду вслед. По жёлтым веткам берёз ходил тугой ветер, платье холодно полоскалось вокруг моих голых коленок. Но бабушка всё стояла, крепко держала меня за руку и смотрела на широкую дедову спину. Он шёл, не оборачиваясь. Прямые ватные плечи пиджака казались издали тяжёлыми. По морщинистой бороздке на бабушкиной щеке скатилась слеза. И тут мне всё стало ясно. «Под старость» – это так называется гиблое место, туда уходят и не возвращаются. От ужаса я разревелась громче мотовоза, в который дед вскочил на ходу.

Бабушка смеялась сквозь слёзы. Обещала, что дед оформит свою досрочную железнодорожную пенсию и к вечеру вернётся. Больше он не будет уходить затемно из дома. Не будет сгружать с дрезины и укладывать поверх насыпи огромные просмоленные шпалы для узкоколеек. Купит вторую корову и будет заниматься хозяйством... Облегчённо вздохнув, я вытерла нос бабушкиным фартуком. Выходит, дед всё время сможет быть рядом со мной. Теперь понятно, зачем он «пошёл под старость».

Зима была длинным праздником, потому что дед всё время был рядом.

В ту зиму у меня впервые появился свой дом. Дед два дня вырубал его в сугробе рядом с коровником. Сначала железной лопатой прорезал ходы в горе слежавшегося снега, а потом деревянной лёгкой лопаткой аккуратно открывал окна и вытёсывал двускатную снежную крышу. Все младшие Самойловы приходили поглядеть. Долго стояли и молча смотрели десятью одинаковыми глазами. Светло-зелёными, с чёрным крапом, – как спелая антоновка, отмеченная точками пронырливой гнили. Не сговариваясь, повернулись и ушли. После того долго не звали меня гулять, но я этого даже не заметила. Новое занятие отбило у меня охоту ко всем прежним играм: мы с дедом начали читать.

Наверное, если бы меня учили читать, как положено, с букварём, дело затянулось бы на долгие месяцы. Но дед просто взял из книжной тумбы крайний том, открыл первую страницу, и стал показывать буквы. Я их переписывала в тетрадку. Тем буквам, которые я запоминала не сразу, дед пририсовывал синим карандашом смешные тонкие ноги или хвосты. Буквы становились похожими на меня, мою двоюродную сестру Свету, на Витьку Самойлова или нашу собаку Шарку. Они оживали и уже не забывались. Буквы торопливо, подгоняя друг друга, выстраивались в слова. Вскоре одна за другой побежали вперёд страницы. Помню, что книгу дед открыл в начале поста, а незадолго до Рождества я уже начала читать свою первую сказку. Она так и называлась – «Ночь перед Рождеством». В окна с морозным треском ломилась декабрьская метель, бабушка вязала возле печки, а я, с книжкой на коленях, сидела рядом на низкой скамейке и громко читала вслух. У нас дома всегда говорили громко, потому что после контузии дед перестал слышать довоенные голоса. Только бабушкины слова он умел различать, даже если она ворчала сердитым шёпотом. Дед подкладывал в печку дрова, смотрел на меня синими весёлыми глазами. Много в сказке деду было также непонятно, как и мне. Но он наслаждался волшебством, невидимо спрятанным в этих строчках.

...Зря бабушка говорила, что я буду деду мешать: до автобусной остановки мы добиремся раньше всех. Центральная площадь посёлка ещё безлюдна. На столбе, к которому прибита жестяная табличка с расписанием автобуса, сам с собой бодро беседует громкоговоритель. Под столбом, подняв усатую морду, сидит лохматая собака, внимательно слушает «Пионерскую зорьку». На деревянном магазине с высоким, как у терема, крыльцом, ещё висит замок. Но двери рабочей столовой уже открылись. Взглянув на часы, дед ведёт меня к этим дверям.

В столовой улыбающаяся полная буфетчица протягивает нам два тонких стакана с рядами красных ободков. Поддевает открывашкой зубчатую бутылочную крышку, та с моло-

децким чмоканьем отлетает в сторону. В чистой прохладе столовой разливается чудесный аромат «Дюшеса». Я пью газировку маленькими глотками, чтобы в нос не забирались колкие пузырьки. И не могу оторвать глаз от лакомства, выставленного на витрине. Разноцветные кубики, горкой лежащие на тарелке, называются непонятным словом «винегрет».

У нас дома всегда есть запасы любых продуктов, которые только может дать толковое домашнее хозяйство. Но винегрет у нас готовят только раз в году, когда из Сибири приезжает погостить дядя Матвей, самый старший сын бабушки и дедушки, со своей женой Лидией. Сняв широкополую шляпу и удивительную юбку с пуговицами спереди, Лида переодевается в широкие цветные штаны и коротенькую блузку. Она долго перебирает домашние заготовки брезгливыми тонкими пальцами с длинными малиновыми ногтями. Тщательно отобранные продукты Лида безжалостно крошит широким ножом. Получается цветной винегрет, который дед неуважительно называет «силосом».

Пока я размышляю, как выпросить у деда порцию «силоса», с площади доносится прерывистый автомобильный гудок. Водитель автобуса собирает всех, кому пора ехать в город.

...Гулкие городские подъезды пахнут вчерашним супом. Кнопки квартирных звонков отзываются сварливыми голосами. Хозяйки подставляют стеклянные банки, удивляются тому, как легко дед поднимает тяжёлые бидоны, чтобы перелить молоко. Дедов баритон густо бьётся о стены подъезда, выкрашенные тёмной масляной краской. Хозяйки суют мне одинаковые конфеты, предлагают погладить тонко таявшающихся, как будто игрушечных, собачек. Любопытство покалывает меня, как травинка за шиворотом, не даёт устоять на месте. Несмотря на вчерашние строгие бабушкины запреты, я заглядываю вглубь квартир. Стены комнат тесно уставлены мебелью. Городское жильё оказывается таким же игрушечным, как и охраняющие его собачки. Мне кажется, что городские люди договорились притворяться, что они живут в настоящих домах.

Квартиры, хозяйки и собачки так похожи друг на друга, что быстро мне надоедают. Я встаю на цыпочки, украдкой заглядываю в бидоны: жду, когда закончится молоко.

Наконец, бидоны пустеют. Но на автобусную станцию мы, почему-то, не торопимся. Хитрый дедов прищур обещает мне что-то очень интересное. Дед пересчитывает пачку белёсых рублей, делит её пополам. Половину убирает во внутренний карман, а половину – в наружный.

По аллее из дымно зеленеющих акаций мы идём к двухэтажному зданию на площади, которое оказывается городским рестораном. Над большими окнами я с трудом разбираю название – причудливую вывеску из тусклых неоновых трубок. Под ней глухо заперты тяжёлые двери. Дед направляется к боковому входу, на котором белеет трафаретная надпись: «Кафетерий».

Женщина, стоящая за стойкой кафетерия, очень красива. Жёлтые волосы волной лежат по плечам, вокруг светлых глаз аккуратно нарисованы чёрные линии, к тугому вырезу платья пристёгнута тяжёлая сверкающая брошка. Женщина похожа на подмигивающих красавиц с наклейками, которые Мишка Самойлов привёз после армейской службы в Германии. Едва взглянув на нас, женщина, в ответ на дедову просьбу, громко говорит кому-то внутрь ресторана:

– Вальку позови!

Ресторан отзывается невнятным вопросом. Женщина раздражённо кричит:

– Где-где! На звезде! На кухне посмотри, она вроде там с утра ошивалась.

Женщина оборачивается к нам, презрительно оглядывает наши бидоны, дедовы хромо-вые сапоги с заправленными внутрь брюками. Наткнувшись на дедов взгляд, женщина опускает глаза, поправляет причёску. Пожимая плечами, виновато поясняет:

– Откуда я знаю, где? Мне некогда по ресторану шляться.

Дверь подсобки открывается, и я задыхаюсь от счастья. Из двери, снимая на ходу клеёнчатый фартук, торопливо выходит, почти выбегает – мама. Она подхватывает меня на руки, прижимается ко мне губами. Лицо её мокро от слёз. Я тоже начинаю реветь, «разинув рот

корытом», как дразнит меня бабушка. Радость бестолково мешается с обидой. Почему дед сразу не сказал мне, что мы пойдём к маме? Зачем мы столько времени заходили в чужие квартиры, почему не пришли прямо сюда?

Мама сажает меня на колени. Всклипывая, я крепко вцепляюсь в её коричневый свитер с чёрными квадратиками. Мама шепчет мне на ухо, гладит мои волосы. Её пальцы неровной дрожью ходят по моей голове. Дед замечает эту дрожь, синие глаза мрачно темнеют. Он что-то тихо спрашивает у мамы. Она притворно обижается, говорит, что деду «показалось». Мне почему-то становится страшно от чужого, не маминого голоса. Что – «показалось»? Я поднимаю голову, смотрю в любимое лицо. Смугло-румяная, гладкая кожа провисла под глазами мягкими мешочками. Я трогаю их пальцем. Мама отворачивается, глаза наливаются холодным слёзным блеском... Вдруг, засуетившись, она говорит, что пора бежать, что работа не ждёт. Крепко прижимает меня к себе, мой нос больно упирается в тонкую косточку под её шеей. Мама торопливо, отрывисто целует меня на прощание, обещает обязательно приехать «на выходные». Дед протягивает ей рублёвую пачку из наружного кармана. Мама, не глядя ему в глаза, благодарит и быстро скрывается за дверью подсобки. Я застываю, как будто кто-то, кто водит в невидимой жестокой игре, скомандовал мне: «Замри!»

Красивая женщина за стойкой шумно вздыхает, говорит деду:

– Зря вы ей все деньги сразу отдали... Опять завтра бюллетень будет.

Дед не отвечает, тяжело вскидывает пустые бидоны на плечо. Берёт меня за руку и выводит на улицу. Здесь моё оцепенение проходит, я начинаю кричать, рваться обратно, в «Кафетерий». Прохожие подозрительно оглядываются на человека с бидонами, который пытается удерживать на руках отчаянно плачущего ребёнка. Дед торопливо уносит меня с площади в городской сквер с чёрным мраморным памятником посередине. Умывает в фонтане с большим круглым бассейном.

Возле тихо журчащего фонтана я понемногу успокаиваюсь. Но «отмереть» полностью мне так и не удаётся. Что-то, чему я пока не знаю названия, застывает в душе слежавшимся грязным снегом, который не разбить никакими весёлыми ботинками.

Дед ничего мне не говорит, но я знаю, что он всё понимает. Я ерзаю по парапету бассейна, прижимаюсь к колючему дедову полупальто с высокими боковыми карманами. Мы молча смотрим на фонтан, который рассыпается по кругу нескончаемым праздничным салютом...

Вдруг дед вглядывается во что-то сквозь летящую воду, губы его растягиваются в улыбку. Вслед за дедом я замечаю на площади бабушку Настю Кузнецову, выходящую из пригородного автобуса. Она крепко держит в руках большую, потёртую клеёнчатую сумку с ручками, заматанными синей изолой. Удивлённо оглядев пустую площадь, Настя трусцой направляется к угловому желтому зданию с вывеской «Сберкасса». Дед, усмехаясь, подхватывает бидоны, и мы спешим в противоположную сторону.

Это повторяется из года в год. Настя, потерявшая на послевоенных реформах не один чулок денег, как огня боится всяких слухов о новых предстоящих обменах. Добровольно отнести в банк кровные денежки у неё рука не поднимается, поэтому дед разыгрывает её, смеясь над невиданной жадностью. Обычно Настя возвращается из города, трясясь от злости. Она, как ошпаренная, бегаёт по посёлку, под каждым окном славит моего деда распоследними словами. Но почти нигде не встречает сочувствия. Земляки интересуются, куда Настя подевала содержимое своей знаменитой клеёнчатой сумки. Узнав, что богатство перекочевало в госбанк, предлагают моему деду вытребовать похвальную грамоту за регулярное пополнение казённых запасов. К вечеру, дожидаясь возвращения деда из города, Настя обычно заявляется к нам. Дед знает, что так будет и на этот раз.

Мы с дедом домой не торопимся. Ходим по магазинам, покупаем городские продукты и подарки. В универмаге с полукруглыми стеклянными витринами дед выбирает для бабушки желтоватый шерстяной платок с букетами по краю. А мне достаётся кукла в одежде военной

санитарки, обещанная только к майскому дню рождения. На обратном пути весь автобус прислушивается к тому, как в моём животе пытаются уместиться румяный леденцовый «петушок» с пышным хвостом, мороженое в вафельном стаканчике, и винегрет из буфета на автостанции.

Когда мы приходим домой, Настя, перегоревшая дневной обидой и умасленная щедрым угощением, пьёт с бабушкой чай. Тянет одну за другой шоколадные конфеты из стеклянной вазочки, жалуется на то, что сахар ей нынче не по карману. Мы подсаживаемся к столу. Дед, под разгоревшимся взглядом Насти, достаёт из сумки её любимую «докторскую» колбасу.

Сам дед городских деликатесов не ест. Посыпает солью высокий ломоть ржаного хлеба, наливает в солдатскую алюминиевую кружку вечернего парного молока. Пьёт его непроцеженным, сдувая в сторону легкие соринки. Мы втроём смотрим, как он пьёт, высоко запрокинув кружку, и почему-то не можем оторвать глаз.

...Инсульт разобьёт деда не скоро, только через шесть лет. Деда положат на кровать в моей комнате, а я переселюсь к бабушке, в «залу». Запах лекарств будет перебивать смолистый дух тлеющих в печке поленьев. Дед всё время будет смотреть в один угол комнаты, – туда, где трещины на стене напоминают трактор с дымящейся трубой.

Через полгода дед сможет вставать и перебираться через порог, ведущий в кухню. Будет сидеть под образами на лавке, смотреть в окно. Он перестанет узнавать всех, кроме бабушки. И его тоже перестанут узнавать, потому что у деда появится чужое лицо. Он станет похожим на обиженного ребёнка. Сыновья, приезжающие издалека, будут пугаться этого чужого лица, а постаревшие дочери будут плакать.

Бабушка будет казаться деду молодой и красивой. Он, не замечая никого, будет то звать её ласковыми именами, то злиться от ревности, стучать палкой в пол и обвинять в неслыханных преступлениях против супружеской верности. У бабушки станет часто болеть сердце, оно будет разрываться от обиды и от жалости.

Дед будет много есть, потяжелеет. Солдатские галифе станут ему тесны, бабушка вошьёт в них широкий клин из бабьего цветного сатина. Молоко дед перестанет пить совсем. Мы теперь будем покупать его в треугольных городских пакетах, потому что коров придётся продать. Без хозяина их не прокормить. Без хозяина дом – сирота.

Коров купят незнакомые, из другого посёлка. Отец, сын и невестка. Женщина обрадуется выгодной покупке, но свёкор на неё шикнет: у хозяев горе. Невестка пристыжено стихнет. Отец и сын подождут, с верёвками в руках, пока бабушка подоит в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.